

“ОБЩИЕ ВОПРОСЫ” И “ЧАСТНЫЕ ОТВЕТЫ” НЕПРОЧИТАННЫЕ СТРАНИЦЫ ДЖОВАННИ ЛЕВИ

Статья посвящена научному творчеству выдающегося итальянского интеллектуала, одного из создателей идеи микроистории Джованни Леви, его представлениям как о самом концепте микроистории, так и об общих вопросах исторического познания: о понимании природы и предметного поля исторической науки, ее актуальных эпистемологических и методологических проблем. Микроистория не может рассматриваться как академическая школа с мэтрами во главе и адептами, проповедующими их постулаты, это процесс работы креативных практикующих историков. Микроистория родилась как неформальное сообщество и практика, призванная снять междисциплинарные границы. Наблюдатели пытаются классифицировать микроисторию и расположить ее в определенной нише, что в немалой мере перечеркивает усилия самих “микроисториков” по преодолению барьеров специализаций, а также жесткого противопоставления микро- и макроподходов. Авторы, впрочем, посвящают эту работу не анализу микроистории в общем и целом, но оставшимся, как представляется, непрочитанными страницам работ «живого классика», историка Джованни Леви.

Ключевые слова: Джованни Леви, микроистория, теория истории, историческая истина, сложность прошлого, целостность и фрагментарность

В мировой историографии наблюдается беспрецедентный рост научных публикаций, и все же приходится признать, что сегодня в обществе историков не происходит постоянного нового притока идей и разнообразия апробируемых подходов, дискуссии в лучшем случае повторяются циклично, либо наблюдается и реверсивное изменение, когда дискурс упрощается, уже достигнутые конвенциональные договоренности и схемы снова требуется вводить в оборот. Ряд важных вопросов узкопрофессионального и общего характера не обсуждаются десятилетиями, но повторяются одни и те же мемы и цитаты, а авторы смелых идей, как будто бы получивших полное признание, остаются знакомыми незнакомцами, обладающими солидным символическим капиталом, но совершенно не раскрывшимися ни для узкого круга коллег-специалистов, ни, тем более, для более широкого круга читателей-дилетантов. Сами их идеи цитируются часто и обильно, но односторонне, дискуссии по поводу этих идей опускаются до трюизмов, вместо того, чтобы стимулировать дальнейшее развитие и усложнение дискурса исторической мысли, либо хотя бы следить, как меняются, как разнообразят свой научный обиход сами родоначальники метода, получившего признание.

Цель данной статьи – не в том, чтобы еще раз рассказать о микроистории, дать ей очередное определение, или же очертить ее место в историографии. Поскольку с самого начала развития практики микроистории, этот термин употреблялся его создателями во множественном числе и предполагал большую свободу авторских позиций и точек зрения, была бы странной попытка ограничить жесткими рамками опреде-

лений уже развившуюся на протяжении нескольких десятилетий и ставшую еще более разнообразной практику “микроисторий”. Даже в юбилейный год, когда задумывалась эта статья, намерением соавторов было не высказать восхищение прошлыми заслугами признанных “микроисториков”, но показать, что многие и явно важные, т.е. артикулируемые на протяжении ряда лет, идеи Дж. Леви не находят ни достаточного внимания и полного понимания, ни продолжения в историографии.

В эпоху электронного копирования и механической репликации, известность сама по себе не является настоящей ценностью, частые упоминания не свидетельствуют о принятии и раскрытии смысла символического наследия “микроисториков”, формальные цитирования не позволяют даже издали следить, как меняются, как разнообразят свой научный обиход родоначальники метода, получившего признание, они остаются поверхностно знакомыми почти всем, но в деталях неизвестными даже для титулованных специалистов. Таким незнакомцем стал и выдающийся историк, итальянский интеллектуал и гражданин мира Джованни Леви, человек, умеющий и отвечать на вопросы, и задавать их. «Прекрасным незнакомцем» остается и сам так называемый тренд микроистории, который Дж. Леви осмысливал с рядом своих коллег на протяжении нескольких десятков лет в стремительно меняющемся мире, от которого «микроисторики», даже медиевисты и исследователи раннего Нового времени никогда не пытались отгородиться.

Что такое история? Ответ на этот сакраментальный вопрос – важнейший маркер в конструкции автопортрета историка, его профессиональной идентичности. В интервью 2005 г.¹ Дж. Леви дал на него развернутый ответ, в котором внимание привлекают три момента: 1) «Вопрос довольно трудный. Во всяком случае, могу сказать, *что такое история сегодня*». В этом ответе, несомненно, ключевое слово «сегодня» недвусмысленно сигнализирует об историчности самого понятия *истории*. 2) «Думаю, что это наука, которая занимается истиной. Наука, которая прекрасно осознаёт, что всякая истина всегда будет частичной, неполной... я прежде всего обращаю внимание на то, что история – это наука о частичной истине, о *частичной человеческой истине* (здесь и далее курсив наш. – Л.Р., Н.С.)». Неразрывная связь с понятием «истина», но, с одной стороны, именно с тем, как историческая истина понимается в *исторической науке о человеке* сегодня, а с другой стороны, с акцентом на специфический характер исторической истины, отчетливо выраженный в ее непреодолимой *неполноте*. 3) И в продолжение предшествовавшей мысли, третье, пожалуй, самое важное: для Леви, истина, которой занимается историческая наука, – это «истина о человеке», «истина о поведении людей в своей ежедневной, повседневной жизни»².

¹ Фрагменты нематериального наследства Джованни Леви. 2009. Беседа Джованни Леви с Норберто Зунига состоялась в г. Мехико 22 октября 2005 г. (интервью было впервые опубликовано в журнале «Contrahistorias. La otra mirada de Clio» в 2008 г.).

² Там же: 385.

Историческая наука, согласно оценке, данной Дж. Леви в этом интервью, «в настоящее время» (т.е. в середине 2000-х) находится в тяжелой ситуации «по двум главным причинам». Первая причина такого положения виделась Леви в отставании истории «от сегодняшних дискуссий и достижений других наук о человеке», и это – после того как историческая наука добилась больших успехов на протяжении XIX в. и до 1950–1960-х гг., став «основополагающим фундаментом для современных наций». И вторая причина: историческая наука «страдает от столкновения с идеями неолиберализма». Этот тезис Дж. Леви считал необходимым обосновать: «Неолиберальное Государство оправдывает своё существование за счёт забвения всякой связи с прошлым. Установление неолиберального порядка ведет к разрыву с историей. И поэтому большая часть исторической информации, которая сегодня передается через средства массовой информации, эпистемологически расходится с историей реальной, с историей как наукой»³.

Актуальность и сложность: обобщать вопросы, а не ответы

«История – это наука медленного и тщательного конструирования, она *обязывает понимать всю сложность прошлого*, тогда как средства массовой информации предлагают всего лишь быстроту, простоту, упрощенные слоганы, и это упраздняет историю и исторический здравый смысл...»⁴ Пожалуй, эти довольно лаконичные рассуждения по «общим вопросам», относящиеся в данном случае, прежде всего, к вопросу о различии подходов к истории, соответственно, исторической науки и средств массовой информации, во многом предвосхитили нынешние многочисленные и, как правило, весьма пространные, толкования особенностей и перспектив разных версий публичной истории в ее «обреченной на успех» конкуренции с историей профессиональной, или академической. Стоит подчеркнуть два важнейших для современного массового сознания и исключительно точно обозначенных Леви преимущества «истории для всех» в ее обращении с «исторической информацией», а именно: *упрощенность/“простота”* (против *сложности* научного подхода) и *ускоренность/“быстрота”* (против медлительности и тщательности конструирования научной картины прошлого). Эти две пары противоположных качеств, дающих «фору» публичной истории в массовой аудитории, никак не отменяют смысл и значение обязанности научной истории «понимать всю сложность прошлого» в исполнении как мировоззренческой, так и комплекса социальных функций.

Согласно Дж. Леви, «история стала корпоративной», столкнувшись с «атакующим релятивизмом», она «запуталась в вопросах методологических построений», утратила свою прежнюю роль «науки наук среди гуманитарных дисциплин» и «находится в поисках новой роли»⁵. При этом «количество книг по истории чрезмерно; огромная масса работ,

³ Там же. 386.

⁴ Там же.

⁵ Интервью с Джованни Леви [2009]: 413.

авторы которых *стремятся изучить уже знакомую проблему*». Однако главный недостаток современной историографии Леви видит в несколько иной плоскости, и его обеспокоенность сложившейся ситуацией напрямую связана с принципами отстаиваемой и реализуемой им методологии, которая, с позиций высшей математики, – если использовать язык самой точной из наук, – противостоит упрощенному пониманию Большой истории как арифметической суммы частных случаев: «Берётся случай в одном городке или селении, затем – то же самое еще в каком-то районе поблизости и т.д. Это скучно, и мне абсолютно неинтересно читать об одном и том же в массе подобных случаев». Что же смогли противопоставить этому практики микроистории? Леви находит емкий тезис. «История должна иметь в своей основе *всеобщие вопросы*, ответы на частности мне безразличны. *Проблема находится в постановке общих для многих ситуаций вопросов, но на которые эти различные ситуации дают специфические ответы...*»⁶.

Допустим на минуту, что общим выражением микроистории являются сама манера изложения исторического материала, стилистические особенности и предпочтения и серийность исследований, к чему как бы располагает проект серии, колонки публикаций «Микроистории». Тогда стало бы возможным считать, что микроанализ – это не методология и не идеология, но чисто техническая методика построения исследования и представления материала, система приемов, которую можно было бы описать, например, в терминах работы фотохудожника: «выбрать ракурс», «навести на резкость», «подретушировать» и «высветить или затемнить задний план». Может быть, стоит учесть, что в интересах сторонников микроистории было не объявлять общую практику работы методологией, поскольку это убивает весьма живучий и даже неистребимый принцип «свободомыслия», который в свое время вызвал успех публикаций авторов колонки «Микроистория»?

С другой стороны, различные методологические новации, несомненно, присутствуют в работах и Дж. Леви, и К. Гинзбурга. При всем том множество находок, сильных теоретических ходов не дает оснований для объединения этих увлекательных и полезных трудов в единую платформу, пригодную для внесения в существующие классификации. Продолжая эту мысль, можно сослаться и на недавнюю публикацию материалов дискуссии о микроистории, которая начинается сходным тезисом: диспутанты предлагают обратиться в первую очередь «к систематической работе микроисториков, проводившейся в рамках серии “*Microstorie*”». Опубликованные в данной серии работы, действительно, «не слишком известны» за пределами италийского ареала гуманитарного знания, хотя в свое время широко обсуждались в Италии даже на уровне публицистики, рассчитанной на самую широкую аудиторию. Присоединяясь к самой идее, поспорим с заключительной частью высказывания: работы серии «Микроистории» «дают отличное представление о том,

⁶ Фрагменты нематериального наследства Джованни Леви: 388-389.

как метод становится исследовательским алгоритмом⁷. По зрелым размышлениям, мы видим, с точностью наоборот, что исследовательский алгоритм как бы стал методом, по крайней мере, стал провозглашаться методом «со стороны», с точки зрения экспертов в области историографии и истории науки. *Если у “микроисториков” и есть единая особенность, то это скорее, манера ставить вопросы, а не давать ответы.*

Проблема природы исторического знания и «частной» исторической истины была затронута Джованни Леви и в другом, более позднем интервью, уже с уточняющим замечанием о том, что именно эта проблема – самая важная в работе “микроисторика”. В разных текстах Леви многократно возвращается к ключевому для него понятию сложности, постоянно заостряя свою мысль. Оценивая изменения, которые произошли в микроистории в течение четверти века после выхода в свет его знаменитой, переведенной на множество языков книги⁸, он возводит концепт сложности на уровень общей теории истории. Изучив исследования этого периода, он убедился в том, что сложность – реальная проблема исторического познания: «Я усвоил мысль, которую, думаю, историку было бы полезно держать в голове все время. Историки не должны обобщать свои ответы. Настоящее определение истории состоит в том, что это наука, которая *обобщает вопросы*, то есть задает такие вопросы, которые, имея общее значение, имплицитно при этом бесконечное количество возможных ответов на локальном, местном уровне. <...> именно связь между общим и локальным – это то, что я усвоил из истории и из исследований моих учеников, друзей и коллег⁹.

Таким образом была сформулирована мысль, которая, как представляется, может претендовать на статус кредо не только микроистории, но «истории как таковой»: это дисциплина, которая ставит вопросы, имеющие *общее* значение, однако признает, что на них могут быть даны бесчисленные *частные* ответы.

«Всегда подчёркиваю, что самое главное – это знать, что один можно разделить на два, как говаривал председатель Мао. Таким образом, я определяю сложность, как способ избежать упрощений, простоты и однозначности выводов, которые могут иметь демагогический эффект и которые дают совсем не точный анализ реальности. <...> Я считаю необходимым изучать реальность во всей ее сложности, рассматривать ее всесторонне, во всех ее аспектах, вместо того, чтобы её упрощать, как поступают историки в большинстве случаев. <...> Моя идея сложности, на самом деле, скорее – критика упрощенчества»¹⁰.

С помощью микроисторического анализа решается главная проблема – проблема раскрытия сложной и некогерентной природы прошлого. В логике продуктивного парадокса эта сложность прошлого как целостности (как общей виртуальной картины движения Истории в профессиональном сознании историка) может быть обнаружена и проявлена

⁷ Микроистория и проблема доказательства... 2019.

⁸ Levi 1985(a).

⁹ Microistoria... 2011; Рус. пер.: Интвью с Джованни Леви [2009]: 412.

¹⁰ Фрагменты нематериального наследия Джованни Леви: 390-391.

на как постоянно обновляемая мозаика в многообразии реальных частных «осколков», разномасштабных фрагментов этого неуловимого целого – только «на уровне земли» (*au ras du sol*), если использовать известную метафору Жака Ревеля¹¹.

Историзм и историческая истина. Нарратив и аналитика

Способы актуализации исторического исследования и артикулирования текста и контекста, которые показательны для творчества «микроисториков» и особенно для трудов Дж. Леви, вызывают особый интерес. С одной стороны, истина исторична, меняются даже вопросы и ответы об основах ремесла, историческая критика и пересмотр арсенала наших знаний необходимы. Однако, с другой стороны, исторический релятивизм и исторический критицизм не равнозначны. Так, думается, считали и считают те, кто начинал работу в исследовательском поле микроистории, при всей очевидности и неизбежности искажений в отражениях и интерпретации исторических событий.

Никак нельзя сказать, что микроистория дистанцировалась от аналитического направления. Появление термина «микроанализ» показывает аналитическую компоненту микроистории. Изначальное во множественном числе употребление слова «микроистория» указывало на вариативность и множественность способов работы историков. При этом, изобразительность, наглядность, нарративность – не враги аналитической истории. Определенный всплеск интереса к аналитической истории пришелся как раз на период особой популярности микроистории¹².

В тех книгах, которые стали образцами микроисторического нарратива, аналитическая конструкция угадывается в качестве строительных лесов, которые по окончании работы, выполнив свою роль, были сняты. Именно произведения, представленные читателям в виде высвободившегося из-под этих «лесов» нарратива (как, например, повествование о Миноккьо или об инквизиторе по имени Къеза (Церковь), принесли широкую известность, даже славу микроисторическому подходу. Стремление сблизить позиции автора-исследователя и читателя и построить диалог между ними, использование рассказа как формы интерпретации – все эти черты кажутся не менее важными в авторской позиции «микроисториков», при всем стилистическом и тематическом разнообразии работ тех или иных авторов, причисляемых к этому направлению. Именно произведения, представленные читателям в виде нарратива, высвободившегося из-под строительных «лесов» отсылок и перекрестных сносок, как, например, повествование о Миноккьо принесли широкую известность, даже славу микроисторическому подходу.

Новое обращение к нарративному началу исторического исследования произошло в момент, когда, судя по всему, кропотливым архивным исследованиям «казусов» не хватало именно «изобразительности»

¹¹ Revel 1989.

¹² Кocka 1980.

рассказа, чтобы привлечь читателя. Известный историк-византист И. Шевченко писал в 1969 г., что в текущий период исследователи прошлого делятся как бы на две команды. Одни пишут для пяти сотен коллег и публики, другие для пяти коллег и собственной персоны, причем первые занимаются глобальными вопросами и протяженными временными отрезками от 20 лет до тысячелетия и излагают материал в форме красочного нарратива. Другие посвящают свой труд одному малоизвестному событию и шлифуют не фразы, а выписки и примечания¹³. Простая справедливость требовала, чтобы микроанализ взял реванш.

Совпадение и несовпадение перспективы микроистории и нарративной интерпретации, проблема ограниченности выборки исторических свидетельств, фигурирующих в микроистории – вот что можно обсуждать исследователям, но не подлежит сомнению то, что оптика микроистории подвижна, а позиция ее приверженца гибка и не требует жесткого противопоставления ряду других подходов и исследовательских интересов. Ум и силы Леви-исследователя на протяжении ряда лет занимал очень широкий круг вопросов, именно широта горизонтов, недогматическое, а свободное формулирование вопросов и задач – сильная стороной и его собственной работы, и преимущество микроистории. Джованни Леви (как и Карло Гинзбург, более известный своими идеями относительно интерпретации фрагментов и следов истории¹⁴, который, однако, не забывал ссылаться на идеи друга и коллеги) писал, что история строится на фрагментах и следах, но требует некоторой генерализации – *обобщения вопросов*, как бы уходящих по ту сторону частной ситуации и события. История остается учительницей жизни – *magistra vitae* – именно потому, что ее предмет не частное локальное знание, а то, что важно для всех людей при всем их разнообразии и несхожести¹⁵.

В концепции Дж. Леви важную роль играет его понимание *политики* и *политического* в истории. Показателен ответ на заданный ему вопрос о том, почему он стал историком:

«Сейчас я историк по совершенно другим причинам, чем тогда, когда я им только собирался стать. Вначале я считал (как и многие из моих друзей), что история необходима для понимания современного социального мира. Сегодня я продолжаю думать так же. Но, начиная подготовку как историка, мы были очень сильно связаны с конкретной политической практикой. Мы думали, что история полезна как для понимания общества, так и для его трансформации. Сегодня я думаю несколько иначе. Кроме того, я глубоко разочарован, потому что наша профессия оказалась подвержена склерозу, она деполитизирована, утратила свои политические начала, основы. Говоря о политике, я имею в виду не демагогическое применение и упрощенное прочтение этого термина. Политика, я думаю, способна преобразовывать мир, стремясь убеждать людей, *объяснять им, что наш мир очень сложен*. Я пытаюсь пояснить это, так как очень часто *политическое понимание истории превращается в банальное упрощение*. <...> Я считаю, что *политика в истории – это борьба за более сложные объяснения*; но повто-

¹³ Sevchenko 1969: 332.

¹⁴ Гинзбург 2004: 310.

¹⁵ См.: Levi 2009: 52, п. 7.

ряю, сегодня историки сильно отстали в плане методологии, в своих вопросах, и, к тому же, они подвергаются агрессивному натиску со стороны средств массовой информации. Сегодня историку труднее заставить себя слушать, чем тридцать лет назад, когда я начинал свою работу»¹⁶.

Джованни Леви и круг его друзей-коллег всегда осознанно находились в публичном пространстве, творили на пересечении полей истории и политики. Выступления по актуальным темам современной истории, ре-актуализация исторического наследия как проблема, привлечение внимания общественности к тем или иным историческим практикам – все эти важные задачи выполнялись Дж. Леви постоянно.

Взгляд из России. Дважды двадцать лет спустя

Леви писал в одной из своих недавних работ¹⁷, перевод которой на русский язык был осуществлен в год его юбилея: «Восьмидесятые годы XX столетия стали переломным моментом в мировой истории... открыли новый исторический цикл... В какой-то степени новый мир оказался более глобален, в какой-то – более фрагментарен и многообразен. В чем-то он стал более целостным: отдельные события и определенные схемы развития общества повлияли на всех и вся без исключения»¹⁸. Леви как историк попытался разобраться, почему в историописании данные процессы привели «к беспорядочным изменениям в практиках и перспективах исследований». Кризис в особенности затронул именно методологию исторической науки и отчасти протекал здесь иначе, чем в других гуманитарных дисциплинах. В 1980-е гг. микроистория стремилась сделать основной акцент на разнообразии и сложности событий прошлого, в это же время глобальная история «двигалась по пути археологии связей, обмена и взаимовлияний на мировом уровне». Практика микроисторий сблизилась с антропологией и литературой, но «на социологические классификации смотрела с подозрением»¹⁹.

В настоящее время на знаменах адептов микроистории начертаны весьма противоречивые девизы. Нельзя не отметить несходства «итальянской», «немецкой», «французской» и «американской» трактовки микроистории. Есть ли место в этом ряду русскоязычной практике и теории микроистории? Что объединяет сейчас эти национальные школы? Принадлежат ли общему течению микроистории такие разнородные исследовательские манеры, как дискурс автора красочного нарратива или создателя базы данных, коль скоро, и тот, и другой декларируют свою принадлежность к микроистории? Можно остановить этот поток вопросов именно вопросом-ориентиром для дальнейшего размышления, без однозначного ответа, но с определенной направленностью.

Стоит сказать, что микроистория в ее первоначальном виде – как научная практика аутсайдеров-бунтарей, противостоящая основному

¹⁶ Фрагменты нематериального наследия Джованни Леви: 386.

¹⁷ Levi 2018.

¹⁸ Леви 2019: 359.

¹⁹ Там же: 360.

историографическому тренду – чем-то напоминала вольные братства нищенствующих религиозных мирян, которые желали отличаться от традиционных религиозных структур и практик: ордена классического западного монашества и объединения воинов Креста имели свои преимущества, но строгую дисциплину, а меньшие братья имели свободу в духе. Но постепенно и минориты стали регламентироваться строгими уставами, которые все усложнялись. Постигла ли “микроисториков” такая же участь и утрата былой свободы? Микроистория, как и любая изначально маргинальная практика, вошедшая в моду, была обречена исчезнуть (в смысле чудесного превращения в свою противоположность), именно получив академическое признание и распространение после многочисленных дискуссий в «научных кругах»²⁰. Отрадно, что существуют попытки сохранить микроисторию как практику network²¹, сняв узость италяязычной среды, разрабатывая интернациональную коммуникативную площадку, но эта счастливая возможность не может сравниться по степени интенсивности работы с былой плодотворной практикой *Quaderni storici* и *Microstorie*.

Любое явление в историографии можно оценивать и с точки зрения интеллектуальных традиций или возможности восприятия какой-либо национальной исторической школой с ее собственными традициями и критериями. Есть удачные и неудачные примеры подобного подхода к микроистории; так, довольно интересным и полезным представляется «взгляд из Испании» на микроисторию²², который продемонстрирован, что показательно, историком, занимающимся, в частности, биографическими исследованиями²³. В английской версии восприятия микроистории играл роль несколько вольный, со смещением смыслового акцента, либо вовсе беллетризованный перевод названий ключевых понятий и работ зачинателей практики микроисторий Гинзбурга и Леви²⁴. В принципиально важном плане англоязычная литература отражает взаимодействие и отторжение перспектив микроистории, исследований казуса и методики плотного описания.

Видимо, уместно задуматься и о российской специфике рецепции микроистории в контексте развития гуманитарного знания. Существует ли практика “микроисториков” в нашей стране? Кажется, можно говорить о русском тренде микроисторических исследований с 1990-х гг., когда отечественные исследователи, прежде всего медиевисты, заинтересовались микроисторией и как практикой работы, и как объектом рефлексии. Термин «микроистория» стал частым гостем на страницах научных журналов и сборников. Однако можно заметить, что восприятие микроистории в России тех лет было хоть и позитивным, но довольно

²⁰ Селунская 2004.

²¹ Microhistory Network. URL: <http://www.microhistory.eu/index.php/2017/02/06/links/>

²² Amelang 1995.

²³ Nine Questions for James S. Amelang. URL: <https://journals.openedition.org/edl/888>

²⁴ Например, «Inherited power» вместо итальянского «Eredità immateriale».

расплывчатым. Примечательно также, что в некоторых научных периодических изданиях уже с конца 1980-х, например, в альманахе «Одиссей», были одновременно, в одних и тех же выпусках, представлены манифесты “микроисториков”, сторонников тренда культурной антропологии и других направлений социально-гуманитарного знания. Вероятно, и по этой причине в умах российских читателей этих публикаций произошло некое смешение принципиально далеких позиций.

В начале нынешнего века казалось, что, быть может, это и к лучшему, если на отечественной почве еще долго не будет общепринятого взгляда по поводу того, что представляет из себя микроистория. Тогда оставался шанс развития микроистории в качестве научной и даже общественной практики, в первом приближении – как публичной истории, вызывавшей энтузиазм и историков, и читателей. Новый пик интереса к микроистории произошел в 2000-е, особенно около 2004 г., который был юбилейным для мэтров Леви и Гинзбурга. В это время издавались новые переводы на русский язык (например, программной статьи Леви о «гирцизме»²⁵) и аналитические публикации²⁶, готовились летние университеты и семинары по теме микроисторического анализа. Теперь же, хотя частотность употребления термина «микроистория» на русском языке все повышается (судя по данным поисковиков, публикациям КиберЛенинки и др.), тем не менее, исследовательская активность приверженцев микроистории, со встречами, дискуссиями, особыми журнальными коммуникативными площадками, скорее, падает. К новому юбилею отцов-основателей микроистории академическое сообщество не создало новой повестки обсуждения микроисторической перспективы.

Можно ли в таком случае говорить о развитии собственного тренда микроистории в России? Сложившаяся историческая ситуация ни одной чертой не напоминает идейный климат Европы 1970–1980-х гг. Если мы согласимся с идеей Леви об историчности истины и актуальности исторических практик, то нам придется ответить, что это вряд ли было бы оправдано историческим моментом. Как оценить сходство историографических посылок в среде левых европейских интеллектуалов прошлого века и современных интеллектуалов-россиян – при полном отсутствии общих идеологем, терминологического и понятийного аппарата?

Описание развития историографической мысли также может оформиться в виде рассказа – интерпретации, в которой могут быть за-

²⁵ Леви 2004. Эта работа ценна, в частности, тем, что автор дает оригинальную интерпретацию связи текста и контекста, которая стала, увы, одной из пропущенных читательским вниманием страниц: «Текстуализация является, следовательно, процессом, в котором неписаное поведение, высказывания, верования, устная традиция или ритуал, извлеченные из непосредственной дискурсивной и практической ситуации, образуют единство, и единство потенциально значимое. И это важнейшее предварительное условие интерпретации, потому что текст, таким образом, приобретает более или менее устойчивую связь с тем контекстом, в рамках которого может быть расшифрован множественный смысл, имплицитно содержащийся в буквальном значении».

²⁶ Копосов 2000; Селунская 2004.

ложены такие отличительные черты, которые легко разглядеть со стороны, что способно привлечь читателя и помочь ему самостоятельно сложить мозаику из отдельных ярких фрагментов идей. Нельзя утверждать, что это лучший способ подачи материала, но отказ от него ставит в заведомо проигрышное положение попытки донести до читателя важные результаты исследования. На полках книжных магазинов Италии до сих пор стоят книги Карло Гинзбурга, но не современные исследования сеньориального мира. Кропотливые исследования итальянских медиевистов по ряду основополагающих вопросов истории средневековья и начала Нового времени не имели столь счастливой судьбы, как «Нематериальное наследие» или «Следы и приметы». С другой стороны, такая сильная практика как микроистория стала в глазах сторонних наблюдателей дидактикой, превратилось в монолитное историографическое направление, а, точнее, ряд цитат и клише, который легко передать по цепочке выступлений и лекций, отсылок и сносок.

Естественное свойство человека – превращать в связный рассказ или историю горсть разрозненных фактов и свидетельств, выстраивать ряд взаимосвязей, которые могли обуславливать происходившее (не важно, отдавали ли себе в них отчет действующие лица). Но нарратив – это и сам материал, и способ его интерпретации. И одним из главных критериев определения микроисторического исследования именно и является манера использования нарратива как инструмента исследования. Амбивалентность понимания нарративного начала давала микроистории уникальный шанс – сохранить свою независимость от жестких и тотальных теоретических конструкций и, в то же время, обрести объединяющий и самобытный принцип развития. Однако данный принцип не стал интеллектуальной собственностью приверженцев микроистории. Его подняли на щит другие историки, включившие в заголовки своих книг словосочетание «новый нарратив» или использовавшие сам принцип нарративной интерпретации.

Интересно, что в России само развитие микроисторического подхода происходило в основном под знаком отрицания аналитической компоненты истории, бывшей отличительной чертой советской школы историографии (со всеми оговорками и ограничениями, налагаемыми идеологическим контролем). Интересующиеся микроисторическим трендом российские читатели и анализирующие его специалисты одновременно предпочитают две крайности, диаметрально противоположные позиции – от отрицания теории нарратива, до прослеживаемого на другом полюсе требования отказаться от собственно исторического исследования и перейти к иному уровню теоретизирования, к языку некой метаистории²⁷. Естественно, при таком распределении сил микроистория как научная практика в России имела ограниченные перспективы.

²⁷ Н.Е. Копосов дал в свое время яркий пример второй, кстати говоря, более редкой, позиции. См.: Копосов 2000.

Анализируя развитие микроистории, нельзя сказать, что последние годы или даже юбилейный год привели к большей определенности или сложности представлений о данной практике. Напротив, упрощения и невнимательность к особенностям выстроенной исследователями микроисторической перспективы остались прежними, но ушли те полемические и аналитические рассуждения, которые звучали в конце 1980-х – начале 2000-х гг. на школах и летних университетах с привлечением известных специалистов, а также на страницах «Казуса».

Что же все-таки остается на поверхности обсуждения микроистории сейчас, например, в публикации материалов круглого стола по мотивам единственной проведенной дискуссии юбилейного года? Небольшой ряд уже известных утверждений: 1) «За определением “микроистория” скрывается весьма широкое и разнообразное поле исследований». Да, но в чем специфика этого поля, этой перспективы? 2.) «Существуют две основные разновидности метода — социальная и культурная микроистории»²⁸. Это, думается, не самый очевидный тезис, для всякого, кто взял на себя труд ознакомиться, как минимум, с разнообразием творчества Джованни Леви. Автор популярной и бесконечно цитируемой книги «Нематериальное наследие», включаемой во все возможные курсы по истории культуры, много работал и работает именно как историк социального, препарирруя изменения в структуре семьи, экономические сдвиги и т.д. (сам этот необыкновенно успешный, но мало кем прочитанный труд наполнен и анализом социально-демографического фактора, и интерпретациями символического начала). Кажется, напротив, историк постоянно отрицает противопоставление социального и культурного: и на уровне собственной практики, и на уровне историографическом (т.е. саму теоретическую обоснованность и продуктивность подобного разделения). Другое дело, что, работая над исследованием социального мира, Леви ясно понимал как проблему то, насколько историки в 1960–1980-х гг., когда начиналась его научная деятельность, были зациклены на методах и моделях других социальных наук²⁹. Воспринимая такое положение вещей как вызов, Джованни Леви и сделал первые шаги на почве микроистории.

Экспериментальный метод. Для чего историку микроскоп?

Эксперимент, экспериментальный метод – эти термины, занимающие особое место в словаре Дж. Леви, выражают характерную черту его исследовательской практики и видение истории как науки. Даже в самом лаконичном и цитируемом определении микроистории, данном Леви: «*Микроистория – это не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях*», в оптической «упаковке» имплицитно присутствует важнейший принцип его экспериментального метода. С помощью намеренного ограничения контекста и изменения фокуса исследования в ана-

²⁸ Микроистория и проблема доказательства... 2019.

²⁹ Levi 2009: 41. “La mia impressione è che ci siamo legati, fra 1960 e 1980, special-mente noi, storici sociali, a modelli di altre scienze sociali che non erano le più utili. . .”

лизе локальных и индивидуальных «мелочей» обнаруживаются «скрытые несоответствия». История микромира усложняется, картина подвижной и открытой социальной целостности наполняется противоречивыми смыслами, неоднозначными опытами, конкретным жизненным содержанием («подробностями») со всей «непоследовательностью и несогласованностью ее нормативных систем», оставляющей «зазоры» и «лазейки» для относительной свободы индивидуального выбора. Таким образом, микроистория «не намерена жертвовать познанием индивидуального ради обобщения: более того, в центре ее интересов – поступки личностей или единичные события. Но она также *не склонна отринуть всякую абстракцию: малозаметные признаки или отдельные казусы могут содействовать выявлению более общих феноменов*»³⁰.

Этот интерес к индивидуальному стимулировал и внимание к биографическому жанру, вернее – к его обновлению. И в самоопределении «новой биографической», или «персональной» истории, в которой наиболее остро и наглядно предстала ключевая проблема соотношения/совместимости микро- и макроанализа, значительная роль принадлежит как конкретным «микроисследованиям» Дж. Леви, так и его известной программной статье, в которой была предложена типология исторических биографий³¹. Если историческая антропология оставляла за кадром проблему самоидентификации личности, личного интереса, целеполагания, индивидуального рационального выбора и инициативы, то в конечном счете ответ на вопрос, каким именно образом унаследованные культурные традиции, обычаи, представления определяли поведение людей в специфических исторических обстоятельствах (а, следовательно, сам ход событий и их последствия) потребовал выхода на уровень анализа индивидуальной деятельности. В результате поворота интереса историков от “человека типичного” или “среднего” к конкретному индивиду историческая биография получила свое “второе рождение”; в одной из ее новых, наиболее продвинутых моделей последовательно выявляется активная роль действующих лиц истории и тот – специфичный для каждого социума – способ, которым исторический индивид – в заданных и не полностью контролируемых им обстоятельствах – “творит историю”, даже если результаты этой деятельности не всегда и не во всем соответствуют его намерениям³².

Дж. Леви сформулировал и круг важнейших нерешенных вопросов, в который включил проблемы соотношения между нормой и реальной практикой и между различающимися нормами внутри данной социальной системы, между группой и составляющими ее индивидами, между детерминацией и свободой, а также вопрос о типе рациональности героя биографии. Особое внимание было уделено выяснению реального диапазона свободы выбора, которым могли располагать действу-

³⁰ См.: Леви 1996: 181-182, 184.

³¹ Levi 1989.

³² Подробно об этом см.: Репина 1999; 2001; 2011: 287-324.

ющие лица истории в конкретном нормативном пространстве, используя его неполную структурированность, внутреннюю противоречивость и возможность неоднозначного истолкования правил и, тем самым, реализуя свою индивидуальную избирательную рациональность³³ «в разрывах социальных границ». Таким образом, в этом осознанном выборе из объективно заданных возможностей проявляется относительная самостоятельность личности. Именно биографический подход и сетевой анализ межличностных коммуникаций позволил Дж. Леви в его «Нематериальном наследстве» показать широкий спектр и пределы возможностей, которыми располагает индивид в рамках «театра» его действий – данного социально-исторического контекста с характерной подвижной комбинацией условий и ресурсов. На «перекрестке» двух познавательных стратегий такого исследования находится динамика внутреннего мира и перипетии личной судьбы индивида в их соотношении с изменениями в конфигурации его социальных взаимосвязей.

Отождествление микроистории с малым размером ее объекта – всего лишь распространенное заблуждение. На самом деле микроистория – это история крупного плана, как остроумно заметил Джон Брюер, «малой здесь является только метафорическая дистанция между субъектом и объектом исследования, возникающая при близком наблюдении»³⁴. Или, как подчеркивает Филиппо де Виво, «строго говоря, поскольку существует обратная пропорция между размером объекта и масштабом карты, используемой для его представления, микроистория – это история в большом, а не в малом масштабе»³⁵. Нельзя не согласиться с Сигурдуром Магнуссоном: «микроистория очень разнообразна, поэтому рассуждать о ней как о едином и целостном направлении было бы ошибочно»³⁶. Разнообразии подходов исследователей, идентифицирующих себя с микроисторией, отмечали практически все аналитики этого историографического феномена, но, пожалуй, самая яркая и точная констатация принадлежит Л.М. Баткину: «Вавилонское смешение исследовательских установок, объединяемых этим термином, а на деле коренным образом *разноплановых*, оправдано лишь по одному, хотя и важному признаку “фокусного расстояния”»³⁷.

Впрочем, об этом «догадался» и сам Леви еще в 1991 г., подчеркивая центральную роль эксперимента в самоидентификации микроистории: «Микроистория – это историографическая практика, и ее теоретические истоки разнообразны и в некотором смысле эклектичны. . . в мик-

³³ Обращая внимание коллег на проблему человеческой рациональности, Дж. Леви рассматривает этот вопрос на примере современной экономической теории, учитывающей разнообразие и изменчивость человеческого поведения («варьирующиеся отношения между экономикой и психологией»), что подразумевает «анализ решений, взаимодействий, влияний, переговоров, стратегий и т.д.». – Леви 2019: 371-372.

³⁴ Brewer 2010.

³⁵ Vivo 2010: 387.

³⁶ Магнуссон 2017. С. 309. См. также: Magnússon, Szijártó. 2013.

³⁷ Баткин 2000. С. 87.

роистории не существует ортодоксии, как не может ее быть в чисто экспериментальных исследованиях»³⁸.

При всех заметных расхождениях концептуальных предпочтений и презентационных стилей, в микроисторическом сообществе, в котором вообще не существует никакой ортодоксии, Джованни Леви, с его «сциентистской» позицией, критикой «гирцизма»³⁹ и приверженностью «вышедшей из моды» социальной антропологии, можно было бы назвать самым явным и значимым диссидентом. Тем не менее, отмечая и высоко оценивая значение пусть «крайне малого числа общих элементов», так или иначе проявляющихся в неисчерпаемом разнообразии конкретных микроисследований⁴⁰, Леви указал на сходство перечисленных «общих элементов» со списком Жака Ревеля, очерк которого о микроистории он назвал «наиболее удачной интерпретацией этого экспериментального направления»⁴¹. Можно вспомнить о том, что Ж. Ревель определял микроисторию как стремление изучать социальное не как объект, обладающий некими свойствами, а как комплекс подвижных связей между конфигурациями, находящимися в постоянном процессе взаимной адаптации⁴². Ревель в то же время подчеркивал, что «этот методологический подход имеет свои границы, поскольку в конечном счете задача состоит в том, чтобы выяснить правила устройства и функционирования социального целого», т.е. «микроисторики» возводят сужение поля исследования «в эпистемологический принцип, ибо способы социального соединения (или разединения) стремятся реконструировать через индивидуальное поведение»⁴³. Сравнив выводы Ревеля с исследовательской стратегией и более поздними рассуждениями Леви об «общих вопросах» и «частных ответах», можно констатировать их методологическую близость. Ведь наиболее значимыми видятся Леви разделяемые некоторым кругом единомышленников теоретико-эпистемологические позиции, сущностными характеристиками которых он считает открытость исследовательской лаборатории, постановку фундаментальных общих вопросов в тщательном анализе отдельного казуса (как “исключительного”, так и “обычного”), понимание сложности и противоречивости прошлого, его принципиальной неопределенности и, соответственно, возможности и правомерности различных интерпретаций⁴⁴.

Свое понимание микроистории, которая «отталкивается от образа истории как науки, задающей общие вопросы, но приходящей к “частным” ответам» (т.е. в русле тех же принципиальных теоретических установок), Леви развивает в недавних публикациях уже в интеллектуальном контексте, обновленном «возрождением» и широким распростране-

³⁸ Леви 1996: 167.

³⁹ Levi 1985(b).

⁴⁰ Леви 1996: 167.

⁴¹ Там же: 185.

⁴² Revel 1989. См. также: Ревель 1996.

⁴³ Ревель 1996: 115.

⁴⁴ См., напр.: Levi 2012.

нием макроисторических подходов, а потому определение становится более развернутым. В центре внимания остаются общезначимые вопросы, которые, благодаря обстоятельному анализу конкретной ситуации «под микроскопом», «дают возможность получить широкую гамму разнообразных ответов». Задача микроистории – «обнаружить и поставить вопрос, релевантный для множества контекстов, который, тем не менее, позволил бы сформулировать и утвердить несколько различных решений одной проблемы». Речь идет о постановке «общей проблемы, порождающей различные формы, *“которые можно истолковать, если мы согласимся, что перед нами совокупный результат определенного набора предпочтений и решений, сделанных людьми в процессе непосредственного взаимодействия друг с другом”*», о формах, отражающих «ограничения и стимулы, на основании которых люди совершают свои поступки»⁴⁵. Здесь знаменательна сама эти ссылки на работы выдающегося социального антрополога Фредрика Барта⁴⁶.

В формулировке Дж. Леви главная задача как историка, так и антрополога – «проанализировать каждую из этих отдельных форм в ее динамике и сложном устройстве», не отказываясь «ни от общего, ни от особенного»⁴⁷. «Необычное», с точки зрения сложившихся в историографии конвенций, воспринимается Леви не как банальное «исключение», а как вновь и вновь обнаруживаемое проявление многоликости целостности, требующее рефлексивной перестройки ее образа в историческом сознании. И это напрямую связано с идиосинкразией Леви к дихотомическому мышлению, он отвергает любые упрощенные биполярные классификации по типу или/или – микро/макро, детерминация/свобода, индивидуальное/коллективное, нормальное/исключительное, локальное/глобальное и т.п., подчеркивая их сугубо инструментальный характер⁴⁸.

Принципиально избегая не имеющего, по его мнению, никакого смысла, противопоставления глобального и локального, коллективного и индивидуального, микроистории и истории глобальной, Дж. Леви в то же время подчеркивает, что последние «не только ставят перед собой несхожие задачи, но и предполагают различные перспективы в том, что касается функций истории как науки». Он видит в современной глобальной истории прежде всего «самокритику европоцентризма», но также «стремление показать, что мир всегда был взаимосвязан и всегда отличался богатством отношений», а это важная общая (подчеркнем – социально востребованная) задача исторической науки⁴⁹. Именно поэтому Леви считает наиболее позитивным направлением глобальной истории то, «которое делает акцент на сложных отношениях между связанными

⁴⁵ Леви 2019: С. 360.

⁴⁶ Barth 1981: 36.

⁴⁷ Леви 2019: 360.

⁴⁸ Этот пафос *соединения несовместимого* был полноценно проявлен Леви в его интерпретации новомодного историографического концепта «глобальная микроистория», подробный анализ которой авторы собираются предложить в отдельной статье.

⁴⁹ Леви 2019: 361-362.

друг с другом ситуациями, изменяющимися в процессе асимметричного смещения и подвергающимися структурной интеграции и трансформации на глобальном уровне. Этот мир в какой-то степени непредсказуем, мобилен, текуч. Он постоянно меняется, но взаимосвязи в нем не исчезают». Цель такой глобальной истории – «показать, как творится история – сложным образом, через взаимные влияния, позитивные или негативные отношения, в которых отсутствует центр, который мы могли бы изолировать и считать его единственным и определяющим источником действия...». Таким образом, в методологическом плане задачи «глобальной истории связей» (*connected history*) и микроистории, по меньшей мере, не противоречат друг другу.

Впрочем, по мнению Леви, дело вообще не в географических параметрах: «То, что описываемое пространство – весь мир, еще не делает историю глобальной». Дело – в самом подходе, поэтому он прагматично отдает предпочтение тотальной истории в духе Фернана Броделя, поскольку она «дает возможность помыслить глобальность исторических факторов, которые мы изучаем, т.е. обнаружить максимальное количество компонентов в сети взаимодействий, как можно точнее истолковать сам факт разрыва отдельных фрагментов этой сети и увидеть ее изменение во времени»⁵⁰. «Если мы не будем сводить микроисторию к локальной истории, изолированной от контекста, то окажется очевидным, что *каждый исторический факт, каждая ситуация существует в пространстве всего человечества*»⁵¹.

Леви считает необходимым различать ценность разных типов нововведений: появление новых исследовательских полей и рождение «подлинных методологических новаций», новых методов исследования. Главная ценность микроистории в том, что, помещая в фокус внимания ограниченное пространство, отдельный сюжет или событие, она использует этот тип анализа в качестве инструмента, который «позволяет обнаружить значимые характеристики, недоступные поверхностному отстраненному осмотру и неуловимые при интерпретации больших общностей... Вероятно то, что термин “микроистория” со временем стал использоваться иначе, было неизбежно: акцент ставился на вещах малого размера, на локальных явлениях, или же научная проблема связывалась с любым изменением масштаба... Однако в этом случае *утрачивался инновативный аспект метода...*»⁵². Это верно, и, хотя сегодня можно уверенно констатировать, что прививка микроисторией оказалась чрезвычайно полезной в самых разных областях исторической науки, тем не менее, нельзя не почувствовать в этой фразе сожаление о том, что осталось непонятым, и отчасти, возможно, справедливый упрек.

⁵⁰ Там же: 363-364.

⁵¹ Там же. С. 367.

⁵² Там же. С. 361.

Джованни Леви и интеллектуалы его круга, вопреки расхожим мнениям, никогда не провозглашали полного противопоставления микроистории и т.н. «большой истории». Особенно важна для работающих в этом направлении историков была идея историчности самой основы изучения истории, меняющийся облик исторической науки и моменты ре-актуализации, а также историческая сложность, проблемы взаимосвязей. Еще один важный тезис – подчеркивание ценности самих вопросов в противовес поискам «окончательных» ответов: историчность, изменчивость, фрагментарность, сложность требуют постоянной новой мобилизации историко-теоретической мысли. Добавим к этому: концентрация внимания на оптимально «обозримом» частном объекте, его максимально интенсивный анализ (изучение «под микроскопом») дает историку возможность открыть неизведанные пласты прошлого. Причем это – вовсе не побочный, случайный результат, а следствие последовательной реализации теоретической модели, опирающейся на постановку «общих», иными словами, общезначимых вопросов.

Такой подход не закрывает перспективу подвижного целого, он – в определенном смысле – *дополняет и наполняет* его, позволяя идентифицировать не обнаруживаемые на макроуровне тенденции и таким образом преодолевая односторонность и усредненность макроисторического анализа. Нет сомнения, идея дополнительности, как и принцип неопределенности, эпистемологически и методологически близки Джованни Леви, они органично встроены в самый фундамент его концепции сложности мира прошлого и настоящего, а также контекстуальной обусловленности и ограниченной рациональности действующих в этом мире и связанных сетью коммуникаций индивидов и групп. Дело также и в постановке общих вопросов, а не в суммировании общих ответов. Микроистория ставит такие вопросы, но эти страницы работ Дж. Леви и трудов серии Микроистории остаются практически непрочитанными.

Размышления о творческих достижениях, описания состояния микроистории в настоящем и предсказания о ее будущем можно вести до бесконечности. Но предмет нашей статьи – не микроистория в целом и не ее судьба, а место и функция микроисторической перспективы в более широкой эпистемологической и исторической концепции Джованни Леви, которая, несомненно, заслуживает более развернутого анализа.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

- Amelang J. Microhistory and its Discontents: The View from Spain // Carlos Barros (ed.). *Historia a Debate* (Santiago de Compostela, 1995). Vol. II. P. 307-312.
- Barth F. *Models of Social Organization in Process and Form in Social Life* // *Process and Form in Social Life. Selected Essays of Fredrik Barth*. L.; Boston, 1981. Vol. 1.
- Brewer J. Microhistory and the Histories of Everyday Life // *Cultural and Social History*. 2010. Vol. VII, No. 1. P. 87-109.
- Kocka J. *Theory and Social History: Recent Developments in Western Germany* // *Social Research*. 1980. V. 47. № 3. P. 426-457.
- Levi, Giovanni. *L'eredità immateriale. Carriera di un esorcista nel Piemonte del Seicento*. Torino. Einaudi, 1985(a). 202 p.

- Levi G. I pericoli del geertizmo // Quaderni storici. 1985(b). Vol. 58. P. 269-277.
- Levi G. I tempi della storia // The Historical Review / La Revue Historique Institut de Recherches Néohelléniques. 2009. Vol. VI. P. 41-52.
- Levi G. Les usages de la biographie // Annales E.S.C. 1989. A. 44. No. 6. P. 1325-1336.
- Levi G. Microhistoria e Historia Global // Historia Critica. 2018. No. 69. P. 21-35.
- Levi G. Microhistory and Recovery of Complexity // Historical Knowledge: In Quest of Theory, Method and Evidence / Ed. by Susanna Fellman and Marjatta Rahikainen. Cambridge: Cambridge Scholars, 2012. P. 121-132.
- Magnússon, Sigurður Gylfi, István M. Szijártó. What is Microhistory?: Theory and Practice. New York: Routledge, 2013. 184 p.
- Microistoria: A venticinque anni da L'Eredità immateriale di Giovanni Levi / A cura di P. Lanaro. Milano: Franco Angeli Edizioni, 2011. P. 169-186.
- Revel J. L'histoire au ras du sol // Levi G. Le pouvoir au village. Histoire d'un exorciste dans le Piémont au XVIIe siècle. Paris: Gallimard, 1989.
- Vivo, Filippo de. Prospect or Refuge? Microhistory, History on the Large Scale // Cultural and Social History. 2010. Vol. 7. No. 3. P. 387-397.
- Баткин Л.М. Заметки о современном историческом разуме // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории – 2000 / Под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцовой. М.: РИТУ, 2000. С. 62-96 [Batkin L.M. Zametki o sovremennom istoricheskom razume // Kazus: Individual'noe i unikal'noe v istorii – 2000 / Pod red. YU.L. Bessmertnogo i M.A. Bojcovova. M.: RGGU, 2000. С. 62-96].
- Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. Сб. статей / пер. с ит. и послесл. С.Л. Козлова. М.: Новое издательство, 2004. 348 с. [Ginzburg K. Mify-embemy-primety: Morfologiya i istoriya. Sb. statej / per. s it. i poslesl. C.L. Kozlova. M.: Novoe izdatel'stvo, 2004. 348 s.]
- Интевью с Джованни Леви [2009] // Терехова Н.Т. Итальянская микроистория: Двадцать пять лет спустя // Одиссей. Человек в истории. 2013. М.: Наука, 2014. С. 405-415 [Intev'y u s Dzhovanni Levi [2009] // Terekhova N.T. Ital'yanskaya mikroistoriya: Dva-decat' ryaf' let spustya // Odissej. SHelovek v istorii. 2013. M.: Nauka, 2014. S. 405-415].
- Копосов Н.Е. О невозможности микроистории // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2000 / Под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцовой. М.: РИТУ, 2000. С. 33-51 [Koposov N.E. O nevozmozhnosti mikroistorii // Kazus: Individual'noe i unikal'noe v istorii. 2000 / Pod red. YU.L. Bessmertnogo i M.A. Bojcovova. M.: RGGU, 2000. С. 33-51].
- Леви Дж. К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. М.: ИВИ РАН, 1996. С. 167-190 [Levi Dzh. K voprosu o mikroistorii // Sovremennye metody prepodavaniya novejshej istorii. M.: IVI RAN, 1996. С. 167-190].
- Леви Дж. Микроистория и глобальная история // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории – 2019. Вып. 14 / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М.: «Индрик», 2019. С. 359-374 [Levi Dzh. Mikroistoriya i global'naya istoriya // Kazus: Individual'noe i unikal'noe v istorii – 2019. Vyp. 14 / Pod red. O.I. Togoovej i I.N. Danilevskogo. M.: «Indrik», 2019. С. 359-374].
- Леви Дж. Опасности гирцизма / пер. с итал. Е. Балаховской // НЛО. 2004. № 6 (70) [Levi Dzh. Opasnosti gircizma / per. s ital. E. Balahovskoj // NLO. 2004. № 6 (70). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/6/opasnosti-gircizma.html>].
- Магнуссон С.Г. Войти в одну реку дважды // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории – 2017. Вып. 12 / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М.: «Индрик», 2017. С. 308-322 [Magnusson S.G. Vojti v odnu reku dvazhdy // Kazus: Individual'noe i unikal'noe v istorii – 2017. Vyp. 12 / Pod red. O.I. Togoovej i I.N. Danilevskogo. M.: «Indrik», 2017. S. 308-322].
- Микроистория и проблема доказательства в гуманитарных науках. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/160_nlo_6_2019/article/21779 [Mikroistoriya i problema dokazatel'stva v gumanitarnyh naukah. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/160_nlo_6_2019/article/21779].
- Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. 1996. М.: «Coda», 1996. С. 110-127 [Revel' Zh. Mikroistoricheskij analiz i konstruirovanie social'nogo // Odissej. SHelovek v istorii. 1996. M.: «Coda», 1996. S. 110-127].
- Ретина Л.П. Персональная история: биография как средство исторического познания // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 1999 / Под ред. Ю.Л. Бессмертного

- и М.А. Бойцова. М.: РГГУ, 1999. С. 76–100 [Repina L.P. Personal'naya istoriya: biografiya kak sredstvo istoricheskogo poznaniya // Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii – 1999 / Pod red. YU.L. Bessmertnogo i M.A. Bojцова. М.: RGGU, 1999. S. 76–100].
- Репина Л.П. Историческая биография и «новая биографическая история» // Диалог со временем. 2001. Вып. 5. С. 5–12 [Repina L.P. Istoricheskaya biografiya i «novaya biograficheskaya istoriya» // Dialog so vremenem. 2001. Vyp. 5. S. 5–12].
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: «Кругъ», 2011. 560 с. [Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. М.: Krug", 2011. 560 s.
- Селунская Н.А. В поисках утраченной микроистории // Диалог со временем. 2004. Вып. 12. С. 70–84 [Selunskaya N.A. V poiskah utracennoj mikroistorii // Dialog so vremenem. 2004. Vyp. 12. S. 70–84].
- Фрагменты нематериального наследства Джованни Леви // Диалог со временем. 2009. Вып. 27. С. 385–391 [Fragmenty nematerial'nogo nasledstva Dzhovanni Levi // Dialog so vremenem. 2009. Vyp. 27. S. 385–391].

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Отдел историко-теоретических исследований, Институт всеобщей истории РАН; lorinarepina@yandex.ru

Селунская Надежда Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел историко-теоретических исследований, Институт всеобщей истории РАН; liquidmodernity@gmail.com

“General questions” and “private answers” unread pages of Giovanni Levi

The article is devoted to the work of an outstanding Italian intellectual, one of the creators of the idea of microhistory Giovanni Levi, his ideas about the concept of microhistory and general issues of historical knowledge: understanding the nature and subject field of historical science, its actual epistemological and methodological problems. We should not consider microhistory an academic school with masters at the head and adepts preaching their postulates; it is a process of creative practicing historians' work. Microhistory was born as an informal community and practice designed to break down disciplinary boundaries. Observers try to classify microhistory and place it in a certain niche, which in no small measure negates the efforts of the “microhistories” themselves to overcome the barriers of specialization, as well as the rigid opposition of micro- and macro-approaches. The authors, however, devote this work not to the analysis of microhistory in general, but to the remaining, as it seems, unread pages of the works of the “living classic”, the historian Giovanni Levi.

Keywords: Giovanni Levi, microhistory, theory of history, historical truth, complexity of the past, integrity and fragmentation

Lorina Repina, Associate Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Institute of World History, RAS; lorinarepina@yandex.ru

Nadezhda Selounskaya, PhD in History, Senior research fellow, Centre for Intellectual History, Institute of World History (RAS); liquidmodernity@gmail.com